

Оперативный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: состоялась ли конституционная, по сути, гарантия

Одним из важнейших направлений судебно-правовой реформы в Российской Федерации было заявлено создание демократической и эффективной судебной системы, ядром которой призван был стать подлинно независимый и эффективный суд. В контексте отправления правосудия, как стержневой функции судебной власти, эффективность и беспристрастность суда связывалась, прежде всего, с рассмотрением по существу юридических актов, реализованных несудебными органами; в том числе, с судебным «санкционированием» ходатайств, внесенных в суд органами уголовного преследования в порядке ч. 2 ст. 29 УПК РФ или с рассмотрением по существу жалоб на действия и решения органов предварительного расследования и прокурора (ч. 3 ст. 29 УПК). По замыслу авторов Концепции судебной реформы в Российской Федерации (1991 г.) именно оперативный судебный контроль должен был стать основной и, по идее, эффективной процессуальной гарантией обеспечения прав и свобод личности от произвольности действий и решений следственных органов и прокурора, связанных с применением мер процессуального принуждения.

Ранее, как известно, применение ряда мер процессуального принуждения, существенно ограничивающих конституционные права и свободы участников процесса, допускалось исключительно с санкции прокурора (УПК РСФСР 1960 г.). Со временем стало очевидным, что этот процессуальный порядок не в состоянии обеспечить защиту прав и свобод заинтересованных лиц, поскольку прокуратура и органы предварительного расследования, по сути, всегда были связаны едиными ведомственными показателями в работе, единой обвинитель-

---

¹ Работа подготовлена при содействии научно-исследовательского гранта Программы Фонда научных исследований ГУ-ВШЭ № 10-04-0012 «Учитель – Ученики» 2010-2011 гг.

ной установкой на назначение (задачи) уголовного судопроизводства, общими интересами в деле борьбы с преступностью.

Введение в 1992 году последующего судебного контроля законности и обоснованности применения следственными органами (с санкции прокурора) такой меры пресечения как заключение под стражу (ст. 96 УПК РСФСР)² – практически ничего кардинально не меняло в этом вопросе. Во-первых, указанная форма последующей судебной проверки (ст. 220.1-220.2 УПК РСФСР) реализовывалась исключительно по жалобам (частных) заинтересованных лиц, а не в силу императивной воли закона. Во-вторых, уже первые результаты ее реализации вновь показали известную согласованность деятельности органов уголовного преследования и суда относительно предмета, пределов и, особенно, результатов проверки. Соответственно задумывалось, что по нормам УПК РФ именно независимый и беспристрастный суд возьмёт на себя обязанность проверки действительного наличия юридических и фактических оснований для возможного ограничения прав и свобод личности на досудебном этапе. Декларировалось, что, являясь органом судебной власти и будучи исключенным из системы государственных органов, ориентированных на борьбу с преступностью, именно суд должен стать надёжным барьером на пути ведомственных интересов правоохранительных органов, окажется в состоянии исключить массовое применение мер процессуального принуждения при отсутствии к тому действительных оснований. Во многом именно с этой целью в УПК РФ (2001 г.) были введены несколько форм оперативного судебного контроля, реализуемых на досудебном этапе (ст. 108, 125, 165 и 448 УПК).

Вопрос о том, насколько названные формы судебной проверки действительно состоялись в качестве надёжной процессуальной гарантии прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве России и стали преградой от произвольности решений и действий следственных органов и прокурора, неоднократно обсуждался в российской уголовно-процессуальной доктрине. При этом

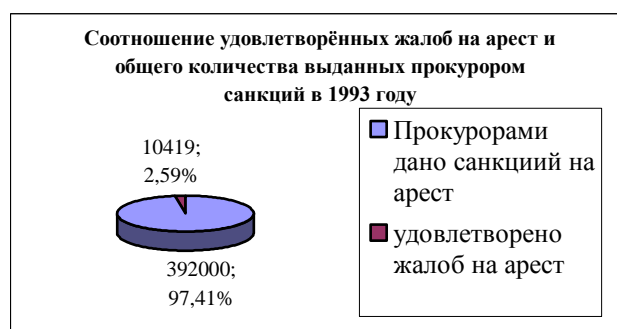
² См.: Закон РФ от 23.05.1992 № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Российская газета. 1992. 17 июня.

достаточно известны работы, как отстаивающие априорную эффективность введенных форм оперативной судебной проверки, так и отражающие весьма негативные оценки итогов данной формы деятельности суда³.

Они в принципе доступны для изучения и беспристрастного анализа складывающихся в судебно-следственной практике тенденций. Повторяться в этих моментах – не предмет данной работы. В контексте тематики и предмета намеченной конференции нами, прежде всего, поставлена цель: на основе анализа (имеющихся) эмпирических данных проследить возможные качественные и количественные изменения в динамике применения не только наиболее строгой, но и исключительной по буквальному смыслу закона, меры пресечения, а именно – заключение обвиняемых (подозреваемых) по стражу (ст. 108-198 УПК РФ); выявить складывающиеся закономерности в ее применении.

Для сведения: в 1993-1995 гг., когда мера пресечения в виде заключения под стражу применялась с санкции прокурора (ст. 96 УПК РСФСР), динамика применения указанной меры (в целом по Российской Федерации) выглядела следующим образом:

Диаграмма 1:

³ См.: Петрухин И.Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2. С. 91–94; Быков В.М. Судебный контроль за предварительным следствием // Уголовный процесс. 2007. № 1. С. 35– 38; Судебный контроль в уголовном процессе: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» // (А.И. Давыдова и др.); под ред. Н.А. Колоколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и Право, 2009. 847 с.

Диаграмма 2:

Как видим, в 1993 году прокурором по ходатайству следственных органов санкционировано 392 000 арестов; в 1994 году – 404 327. Из них, по жалобам заинтересованных лиц, признано судом (в порядке ст. 220.1-220.2 УПК РСФСР) незаконными или необоснованными, соответственно, – 10 419 и 13 021 решение следственных органов и прокурора. В процентном отношении это составляет 2,59% и 3,12% от общего числа применения указанной меры. Процент решений, которые (конвенционально) надо считать законными и обоснованными, таким образом, составляет 97,4% и 96,8% от общего числа примененных.⁴

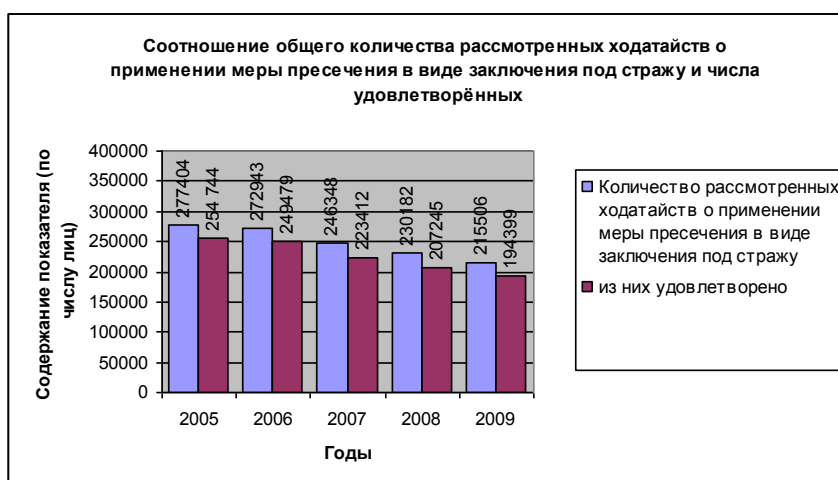
Если обратиться к анализу статистических данных, отражающих первые показатели реализации оперативного судебного контроля (по введении в действие норм УПК РФ 2001 г.), налицо, прежде всего, сведения о резком сокращении ходатайств следственных органов, связанных с применением мер процессуального принуждения и адресованных для разрешения в суд. К примеру, до 1 июля 2002 года в СИЗО УИС РФ поступало ежемесячно 28-30 тысяч следственно-арестованных обвиняемых (подозреваемых). В первый месяц после введения в действие УПК РФ их число сократилось практически вдвое – до 16 тысяч. Однако буквально в течение полугода показатели, характеризующие число следственных обращений и применение указанной меры пресечения, обозначи-

⁴ В дальнейшем число удовлетворённых судом жалоб обвиняемых (подозреваемых) на применение указанной меры держалось, в основном на том же уровне: в 1995 г. судом удовлетворено (ст. 220.2 УПК РСФСР) – 14 880 жалоб; в 1997 г. – 13 172; в 1998 г. – 11 121 жалоб.

ли явные тенденции к росту. Более того, с ноября 2002 года численность следственно-арестованных значительно выросла, и в СИЗО вновь стало поступать в среднем до 30 тысяч следственно-арестованных в месяц. В абсолютных цифрах эти показатели, к примеру, в 2003 году составили – 311,5 тыс.; в 2004 году – 328,4 тыс.; в 2005 году – 380,5 тыс. обвиняемых (подозреваемых).⁵

Объяснения данной динамики, полагаем, очевидны. В первые месяцы применения (нового) УПК РФ следственные органы и прокуроры как бы «присматривались» к возможным решениям суда, принимаемым в рамках процедур оперативного судебного контроля, к принципиальности позиций и итоговых решений суда. По сути, публичные органы уголовного преследования (как бы) «проверяли» суд, с одной стороны, на соответствие заявленным требованиям о его новой роли в состязательном и социально ориентированном уголовном процессе (ст. 6 УПК); с другой, на готовность, как и ранее, активно включиться в общее дело борьбы с преступностью. Какие из ожиданий оправдались – можно проследить при объективном анализе итоговых статистических данных, отражающих исследуемую форму деятельности суда. Для наглядности обратимся к данным, которые характеризуют динамику рассмотрения ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК) и о продлении срока содержания под стражей (ст. 109 УПК) за 2005–2009 годы.

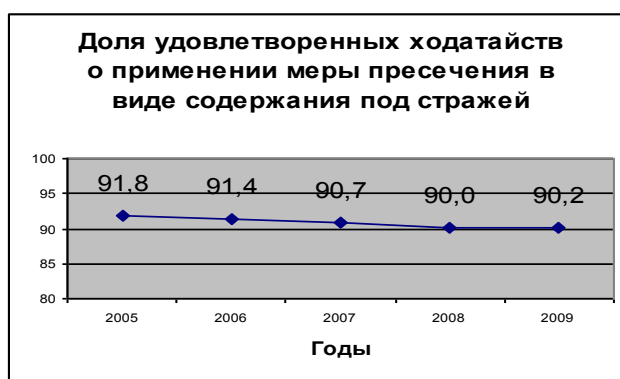
Диаграмма 3:

⁵ См.: Семенюк В.И. О правовом регулировании заключения под стражу // Российский следователь. – 2006. – № 10. – С. 13–16.

Как видим, число ходатайств следственных органов о применении исследуемой меры пресечения (ст. 108 УПК), удовлетворённых судами (в целом по Российской Федерации) составило: в 2005 году – 254 744 (из 277 404 внесённых в суд; или 91,8%), в 2006 году – 249 479 (из 272 943 или 91,4%), в 2007 году – 223 412 (из 246 348 или 90,7%), в 2008 году – 207 245 (из 230 182 или 90%), в 2009 году – 194 399 (из 215 506 или 90,2%). В общем виде данное соотношение (для наглядности) можно представить следующим образом:

График 1:

По идее, обращает на себя внимание незначительное снижение числа удовлетворённых ходатайств в 2008-2009 годах. Однако объяснение этому – повышенное и неоднократно публично озвученное внимание к складывающимся тенденциям применения исследуемой меры пресечения со стороны высших руководителей Российской Федерации. Неоднократные «призывы» Президента РФ и Премьер-министра РФ к более сдержанному применению указанной меры, особенно, по делам об экономических преступлениях, не могли не сказаться на динамике ее применения. В итоге незначительное, по сути, снижение, как вносимых в суд ходатайств, так и их числа удовлетворённых судом обусловлено в целом сугубо политическими, а не уголовно-процессуальными, факторами. Есть основания полагать, что такого рода снижение будет прослеживаться и в будущем. Причем, скорее всего, по тем же факторами субъективного характера, никак не связанным с кардинальным и качественным, по сути, изменением характера деятельности суда, реализующего данную форму судебного контроля.

Приведённые данные свидетельствуют также о том, что ситуацию никоим образом не изменило принятие Федерального закона от 5 июня 2007 года

№87-ФЗ, по правилам которого согласие на внесение (исследуемых) ходатайств в суд следователи стали получать у своего непосредственного руководителя следственного органа, а не у прокурора, как ранее. Суды как удовлетворяли порядка 90-91% вносимых ходатайств, так этот показатель в целом и сохранился.

Названные количественные и качественные тенденции (как утверждают, а priori законности и обоснованности, представленных в суд, ходатайств следственных органов) объективно прослеживаются и в судах кассационной инстанции. Проследим указанные данные в целом по Российской Федерации:

Диаграмма 4:

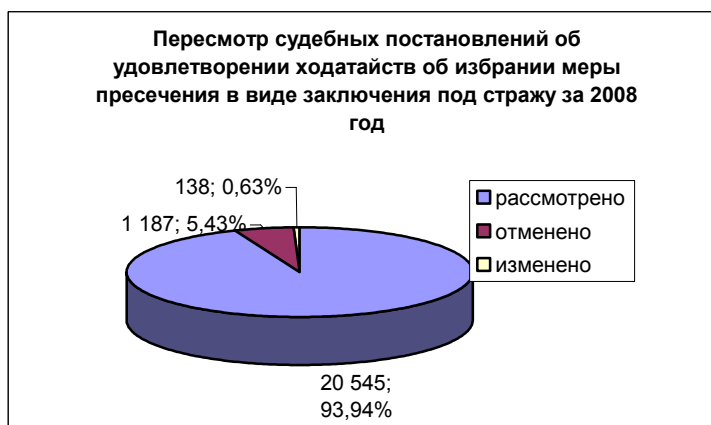
Как видим: в 2007 году (в целом по России) удовлетворено 223 412 ходатайств о применении к обвиняемым исследуемой меры (ст. 108 УПК), из них обжаловано в суд кассационной инстанции 21 920 состоявшихся судебных решений (ч. 11 ст. 108 УПК). Из числа обжалованных судом кассационной инстанции отменено – 1 412 решений, что составляет 0,63% от общего числа удовлетворённых ходатайств и 6,02% от числа обжалованных; изменено – 111, что составляет 0,47% от числа обжалованных.

Диаграмма 5:

В 2008 году удовлетворено 207 245 (исследуемых) ходатайств следственных органов; из них обжаловано в суд кассационной инстанции – 20 545. Из обжалованных отменено – 1 187 состоявшихся судебных решений, что составляет 0,57% от общего числа удовлетворённых ходатайств и 5,43% от числа обжалованных; изменено кассационной инстанцией – 138 решений, что составляет 0,63% от числа обжалованных.

Диаграмма 6:

В 2009 году, соответственно, удовлетворено – 194 399 ходатайств следственных органов, из них обжаловано в суд кассационной инстанции – 20 220 решений. Из них отменено – 1 129 постановлений, принятых судом первой инстанции, что составляет 0,58% от общего числа удовлетворённых ходатайств и 5,23% от числа обжалованных; изменено – 236 решений, что составляет 1,09% от числа обжалованных.

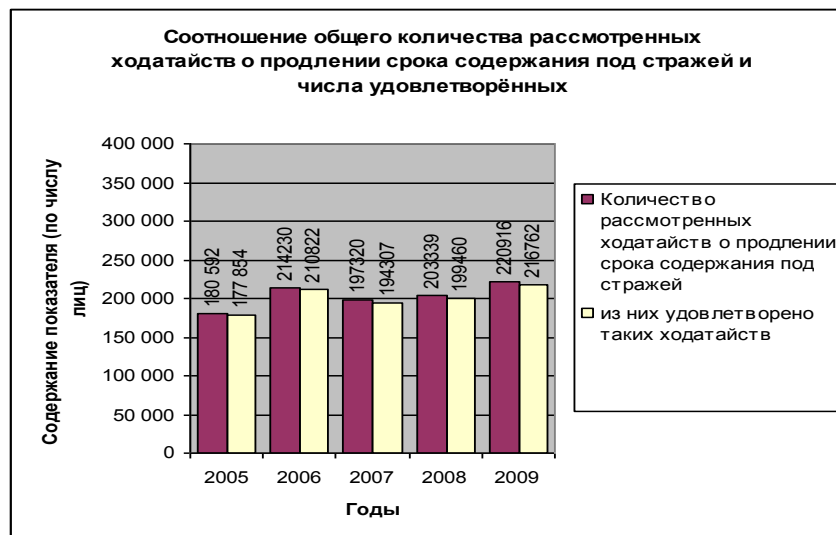
Диаграмма 7:

Таким образом, суды кассационной инстанции, как видим, в целом солидарны с судами, реализующими данную форму оперативного судебного контроля (ст. 108 УПК), по сути, безоговорочно подтверждая в большинстве обжалованных случаев законность и обоснованность применения указанной меры пресечения по отношению к обвиняемым (подозреваемым).

Ещё более показательны исследуемые тенденции в деятельности суда по проверке ходатайств следственных органов, связанных с разрешением вопроса о продлении срока содержания обвиняемых под стражей (ст. 109 УПК):

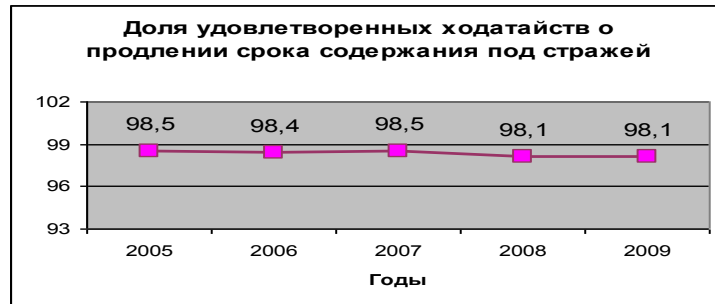
Диаграмма 8:

Из приведенных данных следует, что количество ходатайств следственных органов о продлении срока содержания под стражей (ст. 109 УПК), удовлетворённых судами составило: в 2005 году – 177 854 ходатайств (из 180 582 внесённых), в 2006 – 210 822 (из 214 230), в 2007 – 194 307 (из 197 320), в 2008 – 203 339 (из 199 480), в 2009 – 216 762 (из 220 916).

В процентном отношении доля удовлетворённых судами (первой инстанции) ходатайств в рамках реализации данной формы контроля уже на уровне 98-99%. Данные для наглядности приведены в графике:

График 2:

Для сравнения, проследим динамику применения («санкционирования» судом теми же судами) такой меры пресечения как домашний арест. В порядке ст. 107 УПК РФ в целом в суды Российской Федерации было внесено: в 2007 году – 207 подобных ходатайств (из них удовлетворено – 205), в 2008 – 101 (удовлетворено – 88), в 2009 – 164 (удовлетворено – 146).

Диаграмма 9:

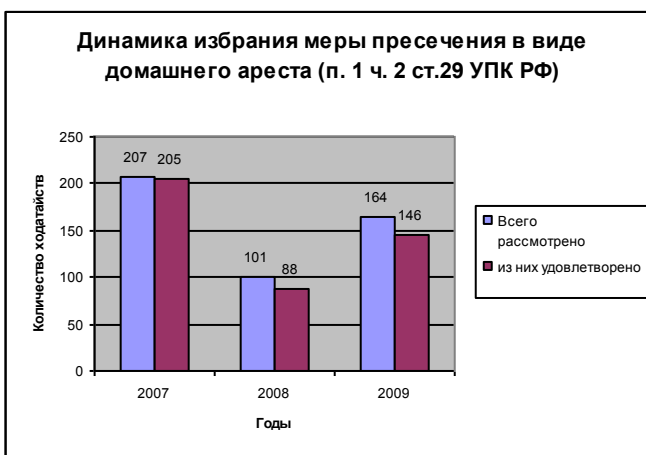

График 3:

Как видим, тенденции в удовлетворении данных ходатайств следственных органов по сути аналогичны, ранее рассмотренным.

Свидетельствуют ли приведенные данные о том, что действительно в каждом из указанных случаев ходатайство следственных органов, служащее предметом проверки и оценки суда в рамках оперативного судебного контроля, реализуемого по правилам ст. 108-109 УПК РФ, было настолько законным и обоснованным, что суд объективно не мог вынести иного решения?

Судьи, в большинстве своем, утверждают, что – да. Практически в том же контексте указанный вывод в той или иной мере регулярно формулируется в обзорах, которые формируются в областных (краевых) судах по итогам анализа этой формы судебной деятельности. Однако, результаты отдельных исследователей, нередко, свидетельствуют об обратном. При этом ученые, ставящие под сомнение эффективность деятельности суда в рамках данной формы оперативного судебного контроля, указывают, прежде всего, на фактическую необоснованность вносимых в суд ходатайств следственных органов, на бесспорные нарушения в деятельности суда, реализующего данную форму судебной проверки, на нарастающие тенденции в формализации процедуры проверки.⁶

Проиллюстрируем эти сомнения необходимыми эмпирическими данными. Для примера: в первом квартале 2010 года на рассмотрение судей первой инстанции районных и городских судов г. Н. Новгорода и Нижегородской области в порядке ст. 108-109 УПК РФ поступил 1692 судебно-контрольных материала (в дальнейшем – материал или ходатайство). Из них 940 материалов (55,6%) – об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК), 752 материала (44,4%) – о продлении срока содержания под стражей (ст. 109 УПК). По поступившим материалам судами в порядке судебного контроля вынесено 1552 решения об удовлетворении ходатайств, что, соответственно, составляет 89,9% от их общего количества рассмотренных; отказано в удовлетворении ходатайств – в 9,1% случаев.

Как видим, итоговые данные, по идее, практически совпадают с ранее приведенными данными. Отсюда, вполне естественным видится и, ранее анонсированный, вывод о том, что в своем подавляющем большинстве органы предварительного расследования обращаются в суд именно с законными и обоснованными ходатайствами. Однако названный вывод нам видится несколько преждевременным, ибо при констатации названной качественной составляю-

---

⁶ См., напр.: Курченко В.Н. Судебный контроль за производством отдельных следственных действий // Уголовный процесс. – 2007. – № 3. – С. 43; Ковтун Н.Н. Оперативные судебные контрольные производства, реализуемые по правилам статьи 165 УПК РФ // Уголовный процесс. – 2010. – № 1. – С. 8–16; и др.

щей не приняты во внимание данные, характеризующие практику кассационного пересмотра состоявшихся решений суда. Между тем, за тот же исследуемый период на рассмотрение судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда поступил 241 судебно-контрольный материал. При этом по существу кассационной инстанцией рассмотрен 231 материал (13,7% – от общего количества, рассмотренных в судах первой инстанции)⁷. Из рассмотренных по существу кассационной инстанцией отменены или изменены постановления судов первой инстанции по 51 материалу, что составляет 22,1% от общего числа рассмотренных (проверенных). Таким образом, суммарное число материалов о заключении обвиняемых (подозреваемых) под стражу или о продлении срока содержания, по сути «не прошедших процедуру судебного контроля», уже составляет 31,1%, что, как представляется, несколько нивелирует вывод том, что от 90 до 98% указанных ходатайств следственных органов следует а priori считать законными, обоснованными и мотивированными.

Для сравнения приведем аналогичные данные, характеризующие это направление деятельности суда во втором и третьем квартале 2010 года.

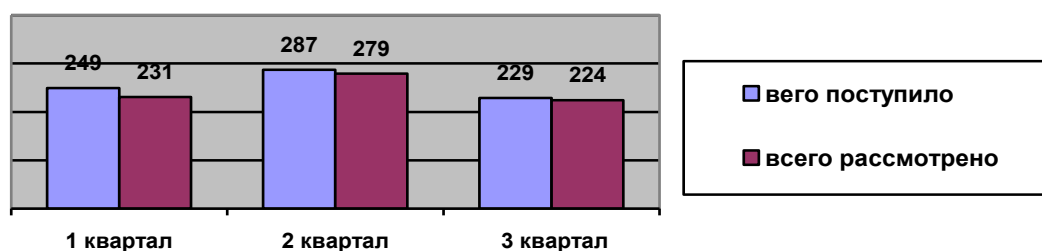
Во 2-м квартале на рассмотрение судей первой инстанции районных и городских судов г. Н. Новгорода и Нижегородской области в порядке ст. 108-109 УПК РФ поступило 1715 судебно-контрольных материала. Из них 55,6% составили материалы об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК); 44,4% – о продлении срока действия указанной меры. По итогам судебного заседания удовлетворено 1517 (88,4% – от общего количества) ходатайств следственных органов (что на 1,5% меньше чем за 1-й квартал 2010 г.). Таким образом, 11,6% ходатайств следственных органов, как видим, не нашли «поддержки» у судей, реализующих оперативный судебный контроль. Однако если принять во внимание 19,7% материалов, по которым судом кассационной инстанции решения суда первой инстанции отменены или изменены, общее число ходатайств, «не прошедших процедуру проверки» составляет 31,3%.

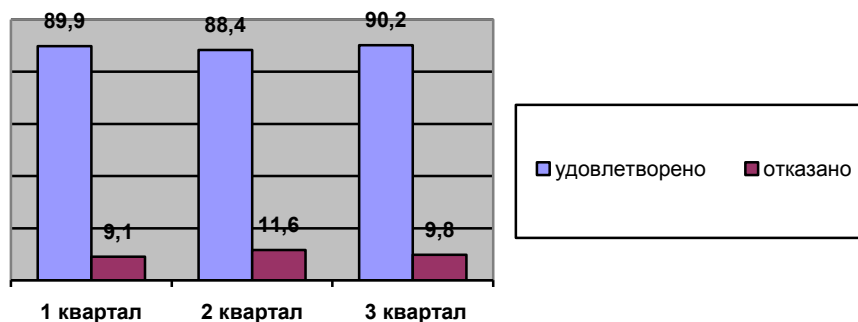
⁷ В связи с отзывом жалобы (представления) производство по 10 материалам в суде кассационной инстанции прекращено.

В третьем квартале 2010 года на разрешение судов первой инстанции поступило 1338 указанных материалов; из них ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу составили 767 или 57,3%; ходатайства о продлении срока содержания под стражей 571 или 42,6%. При этом по итогам реализации данной формы судебного контроля судами вынесено 1207 решений об удовлетворении ходатайств должностных лиц органов предварительного следствия, что составляет 90,2% от их общего количества; отказано в удовлетворении ходатайств по 9,8% случаев. В кассационную инстанцию по жалобам заинтересованных лиц поступило 229 материалов; в виду отзыва жалобы по 5 материалам производство прекращено. Из рассмотренных по существу решений судей первой инстанции в 3 квартале 2010 года кассационной инстанцией отменено (изменено) решение по 21 материалу, что составляет 9,3% от общего числа рассмотренных по существу. Суммарный же показатель ходатайств, признанных незаконными или необоснованными, в 3-м квартале составил 19,1%. Для наглядности названные данные представлены в графиках:

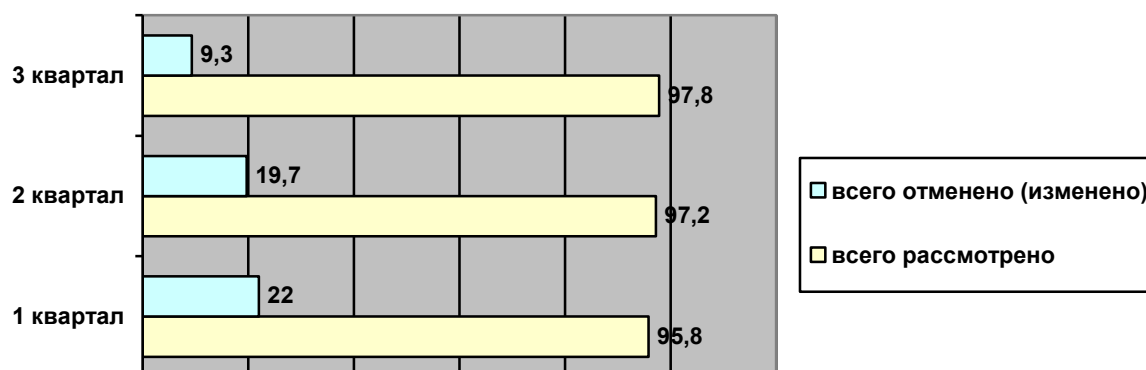
Диаграмма 10: Сведения об общем количестве поступивших и рассмотренных судами первой инстанции контрольно-проверочных производств:

Диаграмма 11: Сведения о количественном соотношении рассмотренных ходатайств и ходатайств, по которым отказано следственным органам:

Диаграмма 12: Сведения о процентном соотношении ходатайств, которые признаны судом кассационной инстанции незаконными или необоснованными:

Рассмотрим (в том же контексте) уровень обжалования процессуальных решений и действий (бездействия) следственных органов и прокурора, ограничивающих конституционные права и законные интересы участников процесса, поставленных на проверку суда именно жалобой частных, заинтересованных в судебной защите лиц. Именно количественные и качественные показатели подобного обжалования составляют сущность и содержание оперативного судебного контроля, реализуемого на досудебном этапе по правилам ст. 125 УПК РФ. Приведем данные в целом по Российской Федерации:

График 5:

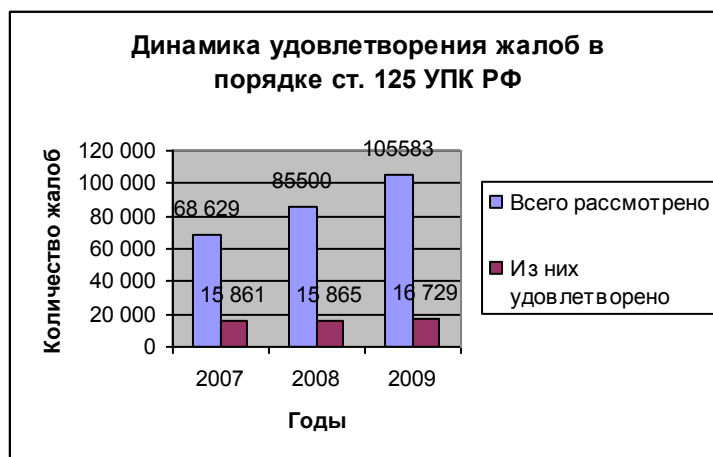

Как видим, по указанным данным прослеживается стремительный рост поступающих в суды жалоб частных заинтересованных лиц, полагающих, что процессуальные действия или решения следственных органов не соответствуют требованиям закона. Указанный факт также свидетельствует о нарастающем

обращении заинтересованных лиц за защитой своих нарушенных интересов, конституционных прав и свобод именно к суду, как гаранту обеспечения указанных прав посредством реализации данной формы контроля.

Принципиально и то, что результаты рассмотрения поданных жалоб за последние годы указывают, что, к примеру, в 2007 году 23% процессуальных решений, действий (бездействия) следственных органов или прокурора были признаны судом незаконными (из 68 629 жалоб – удовлетворено 15 861). В 2008 году признано незаконными – 18,5% (из 85 500 удовлетворено 15 865), в 2009 – 15,8 (из 105 583 удовлетворено 16 729). Другими словами, в 2007 году практически каждое 4 процессуальное решение (действие) следственного органа или прокурора было признано судом незаконным или необоснованным, в 2008 – каждое 5-е, в 2009 – каждое 6-е.

Диаграмма 13:

Таким образом, приведенные данные (в целом) резко контрастируют с данными об аналогичной по сути деятельности суда, исследованными в отношении оперативного судебного контроля, реализуемого по правилам ст. 108-109 УПК РФ, где судом, как уже отмечалось, в среднем признаются законными и обоснованными от 90 до 98% ходатайств следственных органов.

На качественную составляющую деятельности суда в исследуемом направлении, отчасти, указывают и данные о том, насколько судами исследуемая мера пресечения воспринимается как исключительная. Для примера рассмотрим ходатайства:

- о применении данной меры пресечения по преступлениям небольшой тяжести: за 1-й квартал 2010 г. – удовлетворено: 83,3% внесенных ходатайств следственных органов; за 2-й квартал 2010 г. – удовлетворено 100% ходатайств.⁸

- о применении исследуемой меры пресечения в отношении женщин: за 1-й квартал 2010 г. – удовлетворено 84,8% внесенных ходатайств; за 2-й квартал 2010 г. – удовлетворено 86,4%; за 3-й квартал 2010 г. – удовлетворено 87,7% ходатайств.

- о применении данной меры пресечения в отношении обвиняемых (подозреваемых): за 1-й квартал 2010 г. – удовлетворено: 86, несовершеннолетних 5% внесенных ходатайств; за 2-й квартал 2010 г. – удовлетворено 72,9%; за 3-й квартал 2010 г. – удовлетворено 77,5% ходатайств.

Таким образом, основным критерием для применения указанной меры пресечения в отношении обвиняемых (подозреваемых), как и по нормам УПК РСФСР (1960 г.) выступает именно тяжесть содеянного, а не реальные основания ст. 97 УПК РФ, призванные к проверке и оценке суда.

В данной связи (контексте задач и предмета исследования) возникает ряд закономерных вопросов:

1. Почему в порядке ст. 125 УПК РФ только официально до 20-25% процессуальных решений и действий следственных органов и прокурора прямо признаются судом незаконными (необоснованными). В то же время, теми же судами, по ст. 108-109 УПК РФ до 90-98% аналогичных по сути ходатайств (решений) следственных органов, напротив, удовлетворяются судом; признаются по итогам «контроля», безусловно, законными и обоснованными?

2. Являются ли (в контексте сложившихся закономерностей) оперативные формы судебной проверки, предусмотренные нормами ст. 108 и 109 УПК РФ, действительно надежными средствами (гарантиями) обеспечения интересов, прав и свобод заинтересованных лиц (участников процесса) или суд, как и ра-

---

⁸ За 3-й квартал 2010 года – сведений нет, поскольку, представленные в статистической отчетности данные носят противоречивый характер.

нее, объективно включен в общий государственный механизм «борьбы» с преступностью? Соответственно, не столько осуществляет независимый судебный контроль законности и обоснованности, подлежащих проверке ходатайств следственных органов, сколько, по сути, «штампует» решения следственных органов о применении мер процессуального принуждения, как это ранее делали органы прокуратуры.

Оперативный судебный контроль, задуманный в Концепции судебной реформы в Российской Федерации (1991 г.) и в основных своих положениях нормативно воплощённый в жизнь в УПК РФ (2001 г.) в силу целого ряда субъективных и организационных моментов деятельности суда, так и не стал надежной процессуальной гарантией интересов, прав и свобод личности, в которой так нуждаются участники уголовного судопроизводства и российское общество в целом. Поэтому, если что и реально осуществимо для реформ в этом направлении, в том числе, в обозримой перспективе, это обсуждение вопроса о необходимости введения в судебную систему Российской Федерации института специализированных следственных судей («...судей за арестами»)⁹.

Достаточно известные законодательству и практике ряда стран континентальной системы права, автономно выделенные и в принципе не призванные к отправлению правосудия в суде первой инстанции, названные судьи могли бы взять на себя реализацию функции оперативного судебного контроля. Обладая при этом естественно правом независимой проверки и оценки всей совокупности данных, представленных в суд с целью обоснования того или иного ходатайства следственных органов. В том числе, столь необходимой оценки свойств их допустимости или достаточности для разрешения спора по существу¹⁰.

---

⁹ Подробнее см., напр.: Ковтун Н.Н. О понятии и содержании термина «судебный следователь» (следственный судья) // Российский судья. 2010. № 5; Ковтун Н.Н. Следственный судья в уголовном судопроизводстве России: за и против // Российская юстиция. 2010. № 9; и др.

¹⁰ При этом, естественно, необходимы механизмы, с одной стороны, позволяющие включить институт следственных судей в общую федеральную судебную систему РФ. С другой стороны, в принципе исключают подчиненность и (ожидаемое) воздействие на указанных судей со стороны вышестоящих судебных инстанций, в том числе посредством отмены, вынесенных ими судебных решений.